

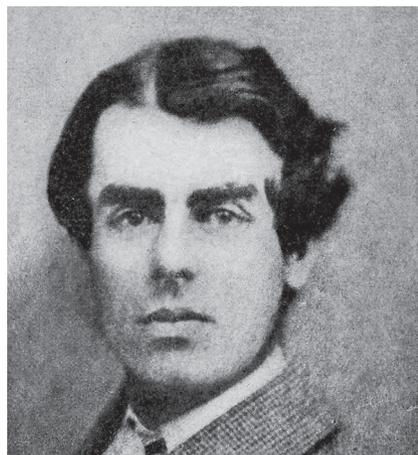
# Дарвин среди машин<sup>1</sup>

СЭМЮЕЛЬ  
БАТЛЕР

«Википедия» предупреждает, что мы не должны путать английского романиста Сэмюеля Батлера (1835–1902) с его тезкой, поэтом-сатириком XVIII века. Вряд ли такая путаница возможна, хотя ее предположение уже указывает на некую странность персонажа.

Батлер – действительно странный писатель. Большую часть его наследия составляют эссе и трактаты, посвященные самым разнообразным предметам в диапазоне от авторства гомеровских поэм (Батлер доказывал, что «Одиссею» написала женщина) до критики теории эволюции. Впрочем, писал он и романы, «Википедия» нас не обманывает. В серии «Литературные памятники» вышла квазиавтобиографическая книга Батлера «Путь всякой плоти», хотя было бы намного лучше перевести его утопию или антиутопию «Erewhon» (это название, анаграмму слова *nowhere*, по-русски иногда передают как «Егдин»).

Биография Батлера способна вызвать живой интерес психоаналитика, и это, наверное, плохо для его посмертной репутации. Влияние родителей, в первую очередь – грубого и деспотичного отца, привело к тому, что Батлер до конца своих дней видел в семье лишь репрессивное орудие социума. Впрочем, мы можем предположить, что интеллектуальное свободолюбие нашего героя происходит из этого же источника.



Сэмюель Батлер (1835–1902) – английский писатель, переводчик и художник.

<sup>1</sup> Перевод выполнен по изданию: BUTLER S. *A First Year in Canterbury Settlement and other Early Essays*. London; New York, 1923. P. 208–213.



ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ:  
ВМЕСТО  
ПОСЛЕСЛОВИЯ

Всю жизнь Батлер изучал развитие индивидуальности – и как писатель, и как мыслитель. Его критика теории Дарвина связана с тем, что он не мог смириться с той пассивной ролью, которую классический дарвинизм отводит индивиду и его сознательным усилиям. Батлер пытался доказать, что мы нечто большее, чем просто пушечное мясо в каких-то грандиозных процессах, и это ему отчасти удалось, во всяком случае антрополог Грегори Бейтсон признавался, что обязан сочинениям Батлера не только минутами удовольствия, но и глубокими прозрениями.

Эссе «Дарвин среди машин» было написано Батлером в 1863 году в Новой Зеландии, где он пытался какое-то время начать новую жизнь вдали от угнетающего влияния семьи. Попытка не увенчалась успехом (он вернулся в Англию), но принесла неожиданные интеллектуальные плоды в виде нескольких остроумных текстов о взаимоотношениях человека и созданных им механических устройств. Первый из этих текстов мы предлагаем вниманию читателей. **[Владислав Дегтярев]**

*Главному редактору «The Press», Крайстчерч,  
Новая Зеландия, 13 июня 1863 года*

Сэр!

Немного найдется вещей, которыми нынешнее поколение могло бы по праву гордиться сильнее, чем постоянными прекрасными усовершенствованиями, происходящими среди механических устройств любого рода. И действительно, здесь много поводов для радости. Не стоит перечислять их сейчас, поскольку они очевидны; наш разговор посвящен соображениям, которые способны некоторым образом смирить нашу гордость и заставить нас серьезно задуматься о дальнейших перспективах рода человеческого. Если мы обратим свой взгляд на ранние, примитивные формы механической жизни – рычаг, клин, наклонную плоскость, винт и блок – или (поскольку аналогия способна продвинуть нас на шаг далее) на самую раннюю форму, из которой произошло все механическое царство, мы имеем в виду рычаг, – а затем исследуем механическое устройство «Грейт Истерна»<sup>2</sup>, мы будем поражены впечатляющим развитием механического мира, теми гигантскими шагами, которые

**2** Британский пароход, спроектированный Изамбардом Брюнелем и спущенный на воду в 1858 году. До XX века считался крупнейшим кораблем. – *Примеч. ред.*

ми он продвигался вперед, особенно в сравнении с медленным прогрессом животного или растительного царства. Мы не сможем удержаться от того, чтобы задать себе вопрос: каким будет итог этого мощного движения? В каком направлении оно развивается? Каков будет его финал? Цель настоящего письма – дать несколько приблизительных намеков на то, какими могут быть возможные ответы на эти вопросы.

Мы используем слова «механическая жизнь», «механическое царство», «механический мир» и так далее и делаем это сознательно, поскольку, как растительное царство медленно развилось из минерального и животное сходным образом произошло из растительного, так же в течение последних нескольких столетий появилось совершенно новое царство, из которого мы до сих пор видели только то, что со временем будут считать допотопными предшественниками этой расы.

Мы глубоко сожалеем, что наше знание как естественной истории, так и техники столь невелико, что не позволяет нам взяться за грандиозную работу – классифицировать машины и разделить их на роды и подроды, виды, подвиды и разновидности и так далее, отследить родственные связи между глубоко различными машинами, показать, как подчинение человеческим нуждам сыграло для машин ту же роль, какую в животном и растительном царствах исполнил естественный отбор, показать рудиментарные органы<sup>3</sup>, все еще сохраняющиеся у некоторых машин, слабо развитые и совершенно бесполезные, хотя и служащие для того, чтобы продемонстрировать происхождение от какого-то раннего типа, который либо вымер, либо преобразился в некую новую форму механической жизни. Мы можем лишь наметить эту область для исследования; его должны подхватить другие – те, чья образованность и таланты превосходили бы все то, на что мы вправе претендовать.

Все же мы отважимся высказать некоторые намеки, хотя и делаем это с величайшей робостью. Во-первых, мы заметим, что, подобно некоторым из низших позвоночных, бывших намного крупнее, чем их ныне живущие более развитые потомки,

- 3** Ученый собрат-философ, читавший эту работу в рукописи, задал нам вопрос: что мы имеем в виду, говоря о рудиментарных органах у машин? Можем ли мы, спрашивал он, привести хотя бы один пример таких органов? Мы указали на небольшой выступ на нижнем конце чашечки нашей курительной трубки. Этот орган был изначально создан с той же целью, что и сужение внизу чайной чашки, представляющее собой другую форму, служащую той же функции. Его назначение состояло в том, чтобы избежать следов от горячей трубки на столешнице. Вначале, как мы могли наблюдать на ранних образцах трубок, этот выступ имел совершенно другую форму, нежели сейчас. У него была широкая и плоская нижняя часть, так что во время курения чашечка трубки могла опираться на поверхность стола. В дальнейшем употребление и неупотребление послужило тому, что функция свелась к своему нынешнему рудиментарному состоянию. То, что в технике эти рудиментарные органы встречаются реже, чем у животных, явилось следствием более прямого действия человеческого отбора в сравнении с более медленной, но и более действенной работой отбора естественного. Человек совершает ошибки; природа же в конечном счете не ошибается. Мы привели несовершенный пример, однако разумный читатель сумеет обеспечить себя нужными иллюстрациями.

уменьшение размеров машин часто сопровождало их развитие и прогресс. Возьмем, к примеру, карманные часы. Можно исследовать всю красоту строения маленького животного, проследить за разумным движением миниатюрных частей, его составляющих, но это маленькое создание все равно останется потомком неуклюжих часов XIII столетия, недалеко от них ушедшим. Когда-нибудь напольные и настенные часы, сейчас отнюдь не склонные уменьшаться в объеме, могут оказаться полностью вытеснены повсеместным использованием карманных часов, а настенные и напольные родственники последних вымрут, как некогда динозавры, часы же, носимые в жилетном кармане (в течение определенного времени уменьшавшиеся в размере, а не наоборот), останутся единственным существующим видом исчезнувшей расы.

Те взгляды на технику, которые мы высказываем здесь столь робко, могут подсказать ответ на один из величайших и наиболее таинственных вопросов наших дней. Мы имеем в виду следующий вопрос: каким будет существо, которое сменит человека в его господстве над природой? Это часто обсуждают, но нам представляется, что мы сами создаем собственных преемников; изо дня в день мы совершенствуем красоту и тонкость их телесного строения; изо дня в день мы сообщаем им все большую силу и снабжаем всеми видами хитроумных приспособлений ту самоорганизующуюся, самостоятельную силу, которая станет для них тем, чем интеллект стал для человеческого рода. С течением времени мы окажемся низшей расой. Уступая им по силе, уступая по нравственному качеству самоограничения, мы будем воспринимать их как вершину всего лучшего и мудрейшего, к чему только может стремиться человек. Никакие злые страсти, никакая зависть, никакая алчность, никакие греховные желания не возмутят спокойную мощь этих великолепных созданий. Среди них не будет места греху, стыду и печали. Их разум будет пребывать в состоянии вечного спокойствия, удовлетворения духа, не ведающего желаний, не смущаемого сожалениями. Их не будет мучить честолюбие. Их не смутит неблагодарность. Нечистая совесть, обманутые надежды, боль изгнания, надменность вышестоящих и презрение, с которым сталкивается терпеливая добродетель недостойных, – ничего подобного они не узнают. Если им будет нужно «питание» (какое слово выдает наше восприятие их как живых организмов), к ним придут терпеливые рабы, чьей заботой и желанием будет видеть, что они ни в чем не нуждаются. Если они выйдут из строя, к ним на помощь тут же поспешат врачи, во всех деталях знакомые с их строением; если они умрут, поскольку даже эти прекрасные животные не будут избавлены от всеобщего и неизбежного конца, они не-

медленно перейдут в другую форму существования, ибо какая же машина умирает одновременно в каждой своей части?

СЭМЮЭЛЬ БАТЛЕР

ДАРВИН СРЕДИ МАШИН

Мы полагаем, что, когда наступит то положение вещей, которое мы пытаемся здесь изобразить, человек станет для машины тем же, чем лошадь и собака являются для человека. Он продолжит свое существование, может быть, даже будет совершенствоваться и в этом состоянии одомашнивания под благодетельным управлением машин будет, вероятно, чувствовать себя лучше, чем в нынешнем диком состоянии. Как правило, мы относимся к своим лошадям, собакам, скоту с большой добротой; мы создаем для них те условия, которые считаем наилучшими, и употребление мяса в пищу, без сомнения, скорее способствовало счастью низших животных, нежели препятствовало ему; соответственно, логично было бы предположить, что и машины будут проявлять к нам доброту, коль скоро их существование зависит от нас так же, как наше – от низших животных. Они не могут убивать нас ради еды, как мы убиваем овец; наши услуги понадобятся им не только для производства на свет потомства (каковая отрасль хозяйства навсегда останется в наших руках), но и для кормления, и чтобы выхаживать их в болезни, и для того, чтобы хоронить их мертвых или перерабатывать их тела в другие машины. Очевидно, что, если бы в Великобритании вымерли все животные за исключением человека и в то же время какая-то неожиданная катастрофа сделала бы невозможным сообщение с зарубежными странами, очевидно, что такую утрату было бы страшно вообразить – точно так же, прекратись вдруг человеческий род, машинам пришлось бы столь же тяжело, если не хуже. Дело в том, что наши потребности неотделимы от их потребностей, и наоборот. Каждая раса, будучи зависимой от других, получает неисчислимы выгоды, и, пока репродуктивные органы машин не достигли того состояния, которого мы пока что не можем представить, они полностью зависят от человека в самом продолжении своего рода. Правда, что эти органы могут достичь полного развития, если это соответствует интересам человека; ничего другого наша пресыщенная раса не желает больше, чем плодovitого союза между двумя паровыми машинами; хотя механизмы уже сейчас участвуют в воспроизводстве механизмов и становятся родителями машин своего вида, но времена их флирта, ухаживания и брака кажутся очень далекими, так что нашему слабому и неточному воображению трудно их представить.

Машины тем не менее день ото дня завоевывают над нами преимущество; день ото дня мы становимся все больше от них зависимы; день ото дня все больше людей оказываются связаны с ними узами, подобными рабству, все больше людей посвя-

щают все свои силы развитию механической жизни. Развязка есть лишь вопрос времени, но то, что настанет час, когда машинам будет принадлежать настоящее господство над миром и его обитателями, ни один философски мыслящий человек не может ни на минуту подвергнуть сомнению.

Мы полагаем, что против них нужно немедленно объявить войну на уничтожение. Любая машина любого рода должна быть уничтожена доброжелателем своего вида. Пусть не будет ни исключений, ни милосердия; давайте вернемся к первобытному состоянию нашей расы. Если нам скажут, что при современном состоянии человечества такое невозможно, это сразу же докажет, что непоправимый ущерб уже нанесен, что мы уже находимся в рабстве, что мы успели воспитать расу существ, которых не в состоянии уничтожить, и что мы не только порабощены, но и полностью примирились со своей зависимостью.

Пока что мы оставим этот предмет, который передаем *gratis* в распоряжение членов Философского общества. Если же они не решатся сами разработать ту обширную ниву для исследования, которую мы им указали, мы постараемся возделывать ее самостоятельно когда-либо в будущем.

Искренне ваш и т. д.,  
*Cellarius.*

*Перевод с английского Владислава Дегтярева*